

КУЛЬТУРА

- 1996. - 25 май. - С. 11.

Десять симфоний Малера. Половина пути

ДЕРЗАНИЯ

Павел КАШУРИН

Еще несколько лет назад Павел Коган задумал цикл концертов, рассчитанных на два сезона, в которых должен быть исполнен "весь симфонический Малер". Квалифицированным меломанам понятно, что поставлена труднейшая задача. Но поскольку не всем обязательно знать, кто такой Малер и что значит его произведения для мировой музыкальной культуры, почему, соответственно, столь велики дерзания дирижера и его оркестра, кое-что следует объяснить заранее. (Перед каждым концертом малеровского цикла это глубоко, ярко и остроумно делал музыкальный обозреватель радиостанции "Эхо Москвы" А.Агамиров).

Густав Малер, несомненно, был одной из самых выдающихся музыкальных фигур конца XIX – начала XX века. Он был прекрасен в своем творчестве и очень сложен для современников. Нервозный, болезненный, неистово требовательный к себе, коллегам, ученикам. То, что Малер был блестящим дирижером, современники признали достаточно скоро, во всяком случае при жизни маэстро. С признанием композиторского дарования Малера дела обостряли хуже. Сочинял он долго и мучительно, писал симфонии непомерной для того времени длины.

При жизни Малера некоторые его премьеры оканчивались полным неприятием у слушателей и вовсе не в силу каких-либо сложных, авангардистских посылов композитора. Малер никогда не старался писать сложно, поражая слушателя необычными звуковыми эффектами. Он всегда стремился к истинной глубине, к исчерпывающему познанию. Он был чрезвычайно литературен. Очень много читал, вел философские конспекты и оставил эпистолярное наследие, которое интересно не только музыканту. Оно не уступает лучшим страницам Томаса Манна. Кстати, великий немецкий писатель обожал Малера и одно из лучших своих творений "Смерть в Венеции" написал явно под впечатлением музыки этого композитора.

Как дирижер Малер руководил оперными театрами в Гамбурге, Вене, Нью-Йорке. Интересно, что, располагая лучшими оперными силами, он не сочинил ни одной оперы. Все творческие порывы, все мучительные духовные искания были от-

В мае Московский государственный академический симфонический оркестр под управлением Павла Когана исполнил в Большом зале Московской консерватории Пятую симфонию Густава Малера. Этим концертом завершилась половина грандиозного цикла, уже ставшая одним из важнейших событий подходящего к концу музыкального сезона. Прозвучали пять симфоний и вокально-симфонические циклы, "Песни странствующего подмастерья" и "Волшебный рог мальчика" (обе тетради).

ражены исключительно в такой труднейшей музыкальной области, как жанр чисто симфонический или ораториальный. Композитор и дирижер, он овладел возможностями симфонического оркестра максимально. Думаю, что одна из главных причин неприятия произведений Малера современниками заключалась в том привычном обстоятельстве, что он, как и положено гению, опередил свое время. Он искренне и страстно любил свою австро-венгерскую родину и необычайно остро предчувствовал ее кончину. Постоянным ощущением нависшей катастрофы буквально переполнены все партитуры Малера. Великий венец предчувствовал крах и заранее отпевал австро-венгерскую империю, то есть гибель той уникальной культурной цивилизации, в которой родился и с которойросся всеми возможными жизненными связями. Он ощущал грядущую трагедию первой мировой, его ученик, композитор-мыслитель Арнольд Шонберг, эту трагедию констатировал да еще успел волопить в музыке апокалипсис второй мировой войны, а гениальный Антон фон Веберн, ученик Шонберга, все это препарировал и сделал свой анализ предупреждающим для каждого из живущих на земле.

Слава Богу, что среди учеников Малера были такие дирижеры, как Бруно Вальтер и Отто Клемперер. Они после смерти Малера стали лучшими интерпретаторами его музыки. Среди выдающихся интерпретаторов симфонического Малера во второй половине двадцатого века необходимо назвать Герберта фон Карайана, Клаудио Аббадо, Зубина Мету и, конечно, Леонарда Бернштейна. Последний просто абсолютно точно воспринимал Малера как творца, душой равного ему профессионала.

Хуже обстоит дело с российской традицией исполнения симфонических произведений Густава Малера. У нас она как-то не состоялась. В основном попытки осмыслять всего Малера делались в Петербурге – Ле-

нинграде. В России подолгу работали известные иностранные дирижеры, такие, скажем, как Оскар Фрид. Он-то и подготовил почву для петербургских триумфов малеровской музыки. Да и мрачный гений Малера хорошо ложился на достоевскую петербургскую атмосферу. Но вот, чтобы исполнить всего симфонического Малера, тут почумо-то сил всегда оказывалось маловато. Отдельные симфонии игрались, и публика их очень хорошо принимала. Но повторю еще раз мысль обидную, но неотвязную. Нет российской традиции исполнения малеровской музыки. Незавидный Кирилл Петрович Кондрашин задумал было сделать то, что, дай Бог, удастся завершить Когану, но прервал свой цикл, затем эмигрировал и вскоре умер. Сейчас Малера, кроме Когана, дирижируют и Александр Лазарев, и, конечно, Евгений Светланов. В связи с малеровскими интерпретациями двух последних появились попытки определить какой-то "особый русский путь Густава Малера". Одна из популярных газет даже утверждала, что истоки творчества Малера находятся в партитурах Бородина и Мусоргского. Оба гениальных русских композитора прежде всего самобытны. У них свои источники вдохновения и своя философия. Малер же – одиночная альпийская скала среди музыкального блаженства рубежа века прошлого и нынешнего.

Путь Павла Когана и его оркестра к произведениям Малера был совсем негладок. При общем падении класса игры оркестров в России, что объясняется причинами, всем известными, Коган сумел за шесть лет вывести свой оркестр на совершенно другую художественную орбиту. Он сумел поднять класс оркестра до уровня, когда можно, не стесняясь высокой московской публики, играть сочинения великого венца так, что никому не придет в голову вопрос: а зачем эти ребята взялись за такую адскую работу? Публика слушает малеровский цикл затаив дыхание и после длительнейших, труднейших

для восприятия симфоний устраивает долгую овацию. Корни успеха Павла Когана и его оркестра – в беспримерном трудолюбии, тщательности деталей и высокой исполнительской культуре. Конечно, Павлу Когану куда легче, чем другим. Он родился и вырос в знаменитой семье, где все дышало и дышит музыкой. Но одной генетики для малеровского цикла недостаточно. У Когана отличная дирижерская школа, принимаясь за Малера, он, разумеется, тщательно и кропотливо изучил все возможные интерпретации, но очень многое у него получилось совершенно по-своему. О деталиах трактовки можно спорить, могут быть претензии к стилю некоторых солистов-оркестрантов и особенно к стилю вокалистов, которые столь важны в произведениях Малера. Но прочтение малеровских партитур Павлом Коганом сомнений не вызывает, и это ясно даже на половине пути.